

ПУБЛИКАЦИИ

Т. А. КОПОСОВА

ПОЭМА С. ГЕСНЕРА «СМЕРТЬ АВЕЛЕВА» В ПЕРЕВОДЕ Д. И. ФОНВИЗИНА

Публикуемый ниже текст представляет собой переведенный Д. И. Фонвизиним отрывок из прозаической поэмы С. Геснера «Смерть Авелева».¹

Как известно, Фонвизин начал свою литературную деятельность в качестве переводчика. Он выполнил много переводов с французского и немецкого языков, и некоторые из них ценились современниками наравне с его оригинальными произведениями.² Так, например, он перевел с немецкого «Басни нравоучительные» Л. Гольберга (1761), рассказ «Правосудный Юпитер» И.-Г.-Б. Пфейля (1761), трактат «Торгующее дворянство» Г.-К. Куайе (через немецкий перевод-посредник И. Юсти) (1766); с французского — трагедию «Альзира» Вольтера (1761), роман «Любовь Кариты и Полидора» Ж.-Ж. Бартеlemi, «Слово похвальное Марку Аврелию» А.-Л. Тома (1777).

Поэма в прозе «Смерть Авелева» («Der Tod Abels») была создана Геснером в 1758 г. и имела большой успех как на родине писателя, так и за рубежом. Существует множество переизданий этого произведения как на немецком языке, так и в переводах. Говоря об отношении к поэме в России, Р. Ю. Данилевский отметил, что «Смерть Авелева» пользовалась «не меньшей известностью, чем идиллии Геснера, но ценилось в ней иное», для читате-

¹ Текст публикуется по автографу Фонвизина: РГАЛИ. Ф. 517. Оп. 1. № 2. *Фонвизин Д. И.* Тетрадь с черновыми записями и набросками. 20 л.

² О переводах Фонвизина см.: *Кочеткова Н. Д.* Фонвизин Д. И. // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 2010. Вып. 3: (Р—Я). С. 305—319; *Стричек А.* Денис Фонвизин: Россия эпохи Просвещения / Пер. с фр. Е. Демьяновой. М., 1994. С. 44—60, 107—116, 295—329; *Пигарев К. В.* Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 48—68.

лей было важно, что на первый план здесь выходит трагическая тема — разрушение идиллического мира.³

Ранее это произведение Фонвизина публиковалось только однажды. П. А. Вяземский напечатал его в 1848 г. как одно из приложений, наряду с другими найденными им текстами, к книге «Фон-Визин».⁴ На качество публикаций Вяземского указал еще Г. П. Макогоненко: «К сожалению, публикации Вяземского сделаны крайне небрежно, — он печатал тексты не только с пропусками и ошибками, но и делал произвольные вставки и исправлял стиль».⁵ И действительно, текст, изданный Вяземским, хотя, как кажется, не содержит ошибок и произвольных вставок, является совсем не полным. Напечатанный им фрагмент представляет собой два не связанных между собой отрывка из перевода первой песни поэмы, тогда как рукопись — это связный и последовательный перевод первой песни, в котором не хватает только ее окончания, составляющего примерно 30 % от всего текста песни.

«Смерть Авелева» в книге Вяземского содержит 665 слов, а фонвизинская рукопись — 3050, т. е. опубликована была только пятая часть перевода Фонвизина.

Любопытно также отметить, что Вяземский дал публикации следующее заглавие: «„Смерть Авеля“, отрывок из первой песни, переведенной Фонвизиным». Такое название можно понять и как указание на то, что Фонвизин перевел только отрывок из первой песни, и как информацию о том, что Вяземский печатает лишь отрывок из рукописи, которая сохранилась в составе тетради с автографами Фонвизина, хранящейся в РГАЛИ.

Тетрадь представляет собой конволют, собранный, вероятно, Вяземским из найденных им рукописей, так как на обложке читаем: «Фон-Визин. Бумаги от него остающиеся». Документ состоит из 27 сшитых листов разного размера, среди которых есть как черновики с множеством исправлений, так и беловые рукописи.⁶

Кроме интересующей нас «Смерти Авелевой», занимающей 5 листов, в тетради находятся выписки из книг Филиппо Бальди-

³ Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 236.

⁴ Вяземский П. А. Фон-Визин. СПб., 1848. С. 447—449.

⁵ Макогоненко Г. П. История изданий сочинений Д. И. Фонвизина и судьба его литературного наследия // Фонвизин Д. И. Собр. соч. В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 635.

⁶ Ввиду того, что руководство архива ограничилось выдачей отсканированной копии, осуществить кодикологический анализ рукописи не представилось возможным.

нуччи и Джорджо Вазари, посвященные искусствознанию (Л. 1); «Мнение об избрании пиес в „Московские сочинения“» (Л. 2); черновой вариант перевода двух отрывков из «Илиады» (Л. 4); отрывок из комедии «Добрый наставник» (Л. 11—15); прозаические произведения «О древних римских обычаях» (Л. 16) и «Иппократ и Демокрит» (Л. 22); письма Фонвизина к родным и друзьям (Л. 3, 20, 21, 24—26); описание правил карточной игры (Л. 23); несколько перечней на русском и французском языках (Л. 10, 15, 27).

Рукопись перевода поэмы «Смерть Авелева»⁷ значительно отличается от других текстов. Во-первых, только она имеет титульный лист, на котором написано: «Смерть Авелева, поэма, в пяти песнях, г. Геснера». Во-вторых, ни один другой текст (даже среди рукописей, содержащих немного исправлений) не написан таким разборчивым и чистым почерком. В переводе поэмы меньше всего исправлений, они сделаны автором очень аккуратно, теми же чернилами, что и сам текст.⁸ Проанализировав внешний вид документа, можно заключить, что перед нами не одно из упражнений в переводе, не набросок или черновик, а уже результат некой серьезной работы, подготовка окончательного варианта текста. Здесь кажется уместным вспомнить, как Вяземский комментировал свою находку: «Еще нашли мы начало перевода его „Смерти Авеля“, начисто рукою Фонвизина переписанное, почему можно полагать, что и вся поэма была им переведена».⁹ Действительно, нельзя исключать, что существовало и продолжение перевода, которое было утеряно, как и черновики.

При характеристике выполненного Фонвизиним перевода «Смерти Авелевой» возникают две основные проблемы. Первая связана с датировкой этого произведения, вторая с определением того, с какого языка Фонвизин переводил этот текст.

По поводу датировки существуют разные мнения. Публикуя текст, Вяземский не дает каких-либо комментариев по этому поводу. Впервые фонвизинский перевод из Геснера был датирован в 1866 г. С. С. Ефремовым. В вышедшем в том же году издании «Сочинений, писем и избранных переводов» Фонвизина, в спис-

⁷ Именно так названа поэма в рукописи. Ее полное название в публикации Вяземского: на странице с текстом поэмы — «Смерть Авеля, отрывок первой песни, переведенной Фон-Визиным», в оглавлении — «Смерть Авеля, отрывок из поэмы Геснера (перев. Фон-Визина)».

⁸ В отличие от остальных текстов в тетради, поэма написана более светлыми чернилами.

⁹ Вяземский П. А. Фон-Визин... С. 178.

ке его произведений, поэма «Смерть Авеля» стоит под 1791 г.¹⁰ К сожалению, никакого обоснования такой датировки издание не дает. Однако она закрепилась на довольно долгий срок. Именно так датирует это произведение Г. А. Гуковский в главе о Фонвизине в «Истории русской литературы»: «В последние годы Фонвизин начал переводить „Смерть Авелеву“».¹¹

Но уже через несколько лет после Гуковского К. В. Пигарев, характеризуя ранние переводы Фонвизина в своей монографии, относит поэму «Смерть Авелева» к ним. Исследователь пишет о том, что в 1760-е гг. Фонвизин «приступает к переводу поэмы Геснера „Смерть Авеля“»,¹² никак не объясняя новую датировку и не говоря о том, что прежде этот текст относили к позднему творчеству Фонвизина.

Казалось бы, есть целый ряд оснований относить этот перевод к раннему творчеству писателя. Его интерес к прозаической поэме в 1760-е гг. подтверждается его переводом «Иосифа» Ж. Битобе, где в первой песни упоминается Геснер: «Последуя тебе, Авелев певец, свободное слово мое возвышенным стихотворства языком вещати будет!»¹³ Исходя из этого, М. Ю. Люстров считает такую датировку весьма вероятной:

Предположение, что над переводами двух поэм в прозе, «Смерти Авелевой» и «Иосифа» <...> Фонвизин работал приблизительно в одно время, кажется логичным: в самом деле, его прозаические переводы из «Илиады» и «Смерти Авелевой» выглядят опытами, предвещающими появление русского «Иосифа» или ему сопутствующими, а сам выбор этих поэм может объясняться влиянием того же Битобе, почитателя Геснера и переводчика Гомера.¹⁴

Обращение к рукописи и анализ текста перевода заставляют, однако, усомниться в подобной аргументации и вернуться к первоначальной (более поздней) датировке. РГАЛИ, где хранится автограф Фонвизина, датирует документы, содержащиеся в тетради, в состав которой входит интересующая нас рукопись, концом 1770-х—1780-ми гг. В пользу того, что перевод Фонви-

¹⁰ Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1866. С. 683.

¹¹ Гуковский Г. А. Фонвизин // История русской литературы. В 10 т. М.; Л., 1947. Т. 4: Литература XVIII века. Ч. 2. С. 190.

¹² Пигарев К. В. Творчество Фонвизина... С. 64.

¹³ Фонвизин Д. И. Иосиф // Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 1. С. 445.

¹⁴ Люстров М. Ю. Фонвизин. М., 2013. С. 75.

зина является поздним, говорит и следующий факт: наибольшей популярностью у русских читателей Геснер пользовался именно в 1770—1790-е гг., а в 1760-е гг. его произведения еще не переводились. Обе версии являются предположительными, и вопрос о датировке этого перевода Фонвизина по-прежнему остается открытым.

Вторая проблема, возникающая при изучении перевода Фонвизина, связана с вопросом о том, с какого языка был выполнен перевод. На первый взгляд, кажется более вероятным, что Фонвизин переводил с немецкого оригинала, так как хорошо владел немецким языком. Между тем сравнительный анализ показал, что между оригиналом и текстом Фонвизина есть различия, которые сложно объяснить. При обсуждении этих противоречий на «Открытой конференции студентов-филологов», проходившей в апреле 2017 г. в СПбГУ, А. А. Костин высказал предположение, что источником фонвизинской «Смерти Авелевой» послужил вовсе не немецкий оригинал, а французский прозаический перевод, выполненный М. Юбером (1761).¹⁵ Сопоставление немецкого, французского и русского текстов показало, что предположение Костина с большой долей вероятности является верным.¹⁶ Добавлю, что проблема определения языка, с которого был выполнен этот перевод, остается довольно сложной и требующей отдельного рассмотрения во многих аспектах. Нельзя исключить и то, что Фонвизин мог использовать при работе над переводом и немецкий, и французский тексты поэмы.

Представленная ниже публикация призвана расширить представления о тексте переведенного Д. И. Фонвизиним отрывка из прозаической поэмы С. Геснера «Смерть Авелева».

Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, с сохранением отдельных написаний, отражающих практику произношения.

Смерть Авелева, поэма, в пяти песнях г. Геснера

Пою громкими стихами приключения наших прародителей по их несчастном падении, я прославляю того, кто первый воз-

л. 5

л. 5 об.
без текста

л. 6

¹⁵ *Gessner S. La mort d'Abel: poëme en cinq chants / Traduit de l'Allemand de M. Gessner, par M. Huber. La Haye, 1761.*

¹⁶ Пользуюсь случаем выразить А. А. Костину глубокую благодарность.

вратил земле персть свою, поражен будучи яростию своего брата. Спокойся ныне, сладкая свирель, которою прежде воспевал я приятную простоту и нравы уединенного человека. Приди ко мне на помощь, священный восторг, оживляющий душу стихотворца, наедине размышляющего в спокойном уединении или в середине леса, или близ текущего между дерев источника во время ночной тишины, когда месяц освещает мир бледным своим сиянием. Как скоро восхищается душа, то и воображение сильно тогда устремляется, и, перелетая смело страну созданных существ, проникает оно в царство удаленное от возможности, повсюду открывает оно чудеса удивляющие и красоту пленяющую. Обремененное сим сокровищем, возвращается оно соединять и распорядить различные свои орудия в самое то время, когда управляющий разум, соображая все, определяет всему употребление. Сей-то разум избирает и отвергает неприятия ничего такого, которое бы не могло составить согласного отношения. Когда сей священный жар приводит в сладкое забвение стихотворца, тогда часы, часы драгоценные пролетают стремительно. Достойное упражнение великих душ! Похвальное терпение не предаваться сну во время ночного пения насекомых до восхождения утренней звезды, дабы приобрести почтение и любовь тех, коих просвещенный разум знает цену каждой красоты, и дабы возбудить чувствование добродетели в чувствительных сердцах. Справедливость повелевает потомкам почитать прах того стихотворца, который посвятил дарования свои нравам и невинности. Не погибнет во веки имя его. Слава его всегда процветать будет, в то время как трофеи гордых победителей истлеют и как великолепные гробы недостойных государей обветшают забвениями среди терновых кустов, покрытые сероватым мохом, и на коих путешествующий, потеряв дорогу, редко покоится. Правда, что мало из тех, кои предпринимали воспеть сии достойные предметы, имели от природы дарование воспеть их по достоинству. Но одно их старание похвалу заслуживает. Сему посвящаю я все уединенные мои увеселения и все досуговое минуты.

Спокойные часы возвращали румяную Аврору и склоняли ночные пары на таинственную землю; солнце, испуская первые лучи свои из-за черных кедров, на горе стоящих, одевало блестящею синевою летающие по воздуху облака, еще слабо освещенные; тогда Авель с возлюбленною своею Тирзою пошел из шалаша своего в ближайшую беседку, из ясмина составленную и розами переплетенную. Нежнейшая любовь и чистейшая добродетель вливали в прекрасные Тирзины очи сладкое веселье

и прелестную приятность на румянец ланит ея. Белые волосы покрывали шею или, играя на плечах, украшали тонкий ея стан. В сем-то виде шла она подле Авеля. Возвышенное чело его покрывали своею тенью черные волосы, которые далее плеч не простирались; вид, изъясляющий мысли и рассуждения его, соединялся с ясностью его взоров. Шел он с тою восторгающею приятностью, которую имеет ангел, приявший на себя тело, являющийся смертным и посланный с радостным благовестием от Господа к благочестивому мужу, молящему небеса в своем // л. 6 об. уединении. Действительно, покровен телом человеческого вида. Но сей покров имеет толь пленяющую красоту, что сквозь оного видно светлейшего ангела. Тирза воззрела на него с нежностью. «Возлюбленный! — сказала она ему, — уже встали птицы для утреннего пения, воспой, прошу тебя, воспой песнь новую, сочиненную вчера на пастве тобой. Что же может быть приятнее похвальных песней Господу? Во время пения твоего трепещет сердце мое, наполняясь священным восхищением. Паки всего прельщает меня изъяснение твоих чувствований, которы я испытала, но которых сама изъяснить не в состоянии». «О Тирза, — отвечивал Авель, обняв ее, — я исполню то, что требуют прекрасные уста твои. Видя в глазах твоих желание, спешу всегда оно исполнить. Сядем под сим древом, и песнь воспета мною будет». Оба они сели под тенью благоухающего древа, и Авель начал песнь свою:

«Удаляйся, сон, от очей всех существ; бегите прочь, ночные привидения. Рассудок являться начинает и возвращает душе светлость, как солнце свет полям возвращает. О солнце! Тебе мы поклоняемся, тебе, восходящему из-за кедров; ты изливаешь цветы и прелести на всю природу; и каждая красота сорадуется нам, обновленная прелестью.

Удаляйся, сон, от очей всех существ; бегите прочь, ночные привидения, к ночным бегите теням. Но где ночные тени? Они сокрылись в середине лесов и глубоких пещер, там нас ожидая. Там найдем их в густых лесах с увеселяющим прохладением во время полуденного жара; там, где утро пробудило первого орла, там, на светящихся верхах диких камней и на блистающих вершинах гор высоких, какое благоухание смешано с ясным утренним воздухом и какой восходит дым от приносимых жертв на алтарь. Там торжествует естество начатие дня и приносит благодарственную жертву Богу-создателю. Всякая тварь должна его хвалить, должна хвалить Бога, вся исполнявшего и вся сохранявшего; в славу Его цветы испускают из себя благо-

ухания. В славу Его хор различных птиц воспевают на воздухе или на деревьях при солнечном восходе. Для хвалы его лев выходит из пещеры, и страшный рев его в пустыне раздаётся. Хвали, душа моя, Бога-создателя и хранителя. Да взлетит к тебе песнь людей твоих, Господи, прежде нежели песнь прочих тварей. Да восхвалит человек тебя в то еще время, когда птицы спят в гнездах их на горах. Да песни мои предупредят их на рассвете, да привлекут всю тварь к прославлению творца своего. О, сколь велико Твое создание! В оном открываешь Ты нам премудрость Твою и являешь милосердие. Каждое чувство Твое почерпает восторг сего бесконечного красот моря и вливает оной в веселящуюся душу мою. Но наши похвалы может она воздать Тебе? Кто принудил Тебя, о всемогущий, выйти из священной тишины, окружавшей престол Твой; призвать из небытия существа и извлечь из ночи в неизмеримую вселенную. Всему причину бесконечная милость Твоя; Ты хотел родить разные существа и сделать их блаженными. Когда солнце, избавясь паров горизонта, гонит ночь перед собою, когда сияет естество обновленной прелестью, когда вся тварь пробуждается от сна для хвалы Твоей. Тогда ты, о утро! бываешь живым изображением создания. // Ты представляешь мне то первое утро, когда поверх рождающейся земли носим был Создатель. Чрезмерное молчание царствовало на необитаемой поверхности нашей земли, когда Создатель повелел услышать глас свой; вдруг полк бесконечно различных красот устремляется по воздуху, носим на крыльях испещренных, ищет легких теней; пронзительный глас его раздавался в лесах удивленных, и поющий воздух повторял хвалу Создателю. Равное чудо было и тогда, когда, носим вновь поверх земли, Создатель призвал животных. Едва услышан был глас Его, как разверстые горы провели бесчисленные виды. Одушевленная земля скакала по лугам зеленым под видом быстрого коня, со ржанием гриву свою подъямлющего; будучи половина землею и половина животным, сильный лев, стремясь от нее освободиться, испытал тогда в первый раз рев свой; дале воздвиглася гора и, ставши слоном, сама собой движется. Уже бесчисленные гласы восходят к Создателю. Тако Ты, великий Боже, извлекаешь каждое утро всю тварь свою от сна, подобия ничтожности, пробуждается тварь и, видя себя окруженной сокровищем Твоей благодати, воспевают единодушно славу твою. Будет время (ибо будущее открывается очам моим), когда человеческий род, рассеяся по всей земле, воздвигнет на всякой горе алтарь Тебе; и когда солнце воздвигнет от сна народы, тогда

песни Тебе по всем концам земли, от востока до запада, раздаваться будут».

Так пел Авель, сидя подле своей возлюбленной, которая, восхитясь священным восторгом, казалось, и тогда еще его внимала, когда он песнь свою кончил. Тогда, обняв его, воззрела на него с нежностью. «О мой возлюбленный, — говорила она, — колико песнь твоя возвышает душу мою к Богу! О мой возлюбленный, нежные твои старания не только защищают тело мое, слабейшее в сравнении твоего. Но и душа моя парит на высоту под твоим предводительством. Когда заблуждает она от пути своего, когда видит она едкий мрак, ее окружающий, когда впадает она в священное удивление. Тогда ты ей вспомоществуешь, ты мрак разгоняешь, и ты удивление ее в восторг превращаешь. Увы! Сколь много раз благодарила я благодати Господней!.. Каждый час благодаря ее за то, что ты создан для меня, а я для тебя сотворена; согласны в том, что думает душа и чего желает сердце, мы оба созданы друг для друга».

Во время ее разговора нежнейшая любовь изливала неизреченную приятность на нежный взор ее и на каждое ее слово. Авель ей не отвечал. Но радостные слезы, текущие по лицу его тогда, как взирал он на нее нежно и имел ее в своих объятьях, изъясняли чувствования его лучше, нежели могли слова изъяснить оные. Увы! Таково это было блаженство человеческое, когда он, доволен будучи нужным, не требовал от земли, кроме тех плодов, которые сама она давала ему щедро, и когда просил он небо об одном только здравии и добродетели. Неудовольствие его не умножали еще ненасытные его желания, которые, изобретая бесчисленные нужды, в блистающем зле погребли его. Соединенным добродетелью, прелестями и любовью, чего еще им недоставало? Но ныне, увы! Ныне добродетельные любовники, которых друг для друга создали небеса, страдают в тоске своей, лишаясь надежды быть соединенными; или для того, что бедность угрожает им нищетой, или гордость и тщеславие их родителей препятствует любви их тиранской властью.

К сидящим сим супругам вошли Адам и Ева; они слушали Авелеву песнь и нежные Тирзины речи. Обняли детей своих с горячностью. Блаженство их и добродетель произвели на лице их знаки наивеличайшего веселия, которое только могут вкусить благополучные родители. Мегала, супруга Каина, шла за своей матерью; жестокая печаль, причиненная несносным нравом ее супруга, впечатлела на челе ее вид важный. Черные очи изображали безмерную грусть ее, и бледность покрывала лице ее. Стоя

л. 7 об. близ древа, проливая она источники-слезы, когда Тирза обнимала своего супруга и изъясляла ему радость свою // о том, что созданы они друг для друга; но отерши слезы, вошла она к ним с веселым видом и с нежным дружеством обняла сестру свою и брата. В самый тот час Каин шел мимо и слышал песнь Авелеву; видел он, с какой горячностью обнял его общий их отец. «В каком они восторге! — говорил он, возрев на них свирепо. Как они его объемят за то, что пел он некую мне неведомую песнь! Сладко ему сочинять песнь и воспевать ее для отгнания сна, сидя под тенью близ своего паства. Но я сгораю от солнечного жара, не имея в стольких трудах ни времени, ни духу для пения. Утомясь днем, требуют отягченные члены мои покой, а утром работа в поле меня ожидает. Мой же брат, нерослый и нежный, который умер бы в один день от трудов моих, мой брат омыт их слезами и проводит жизнь свою в их объятьях. Ненавижу я их нежность, но... Я от них оной не вижу, хотя и тружусь над неблагодарной землей во все время солнечного жара... Ах! Как радостные слезы льются по лицу их».

По сих словах пошел он далее в поле свое. Увидя его, Мегала побледнела еще более и упала подле Тирзы, проливая горестные слезы; Ева в объятьях супруга плакала горько о суровости своего перворожденного. «Дражайшие родители, — говорил им Авель, — я пойду теперь в поле искать моего брата и обнять его дружески; скажу ему все то, что вложит в меня братская любовь, пойду и буду держать его в своих объятьях дотоле, пока не даст он мне клятву оставить злобу свою, пока не поклянется он любить меня. Увы! Я узнавал основания души моей, спрашивал ее, каким образом могу я приобрести любовь моего брата и отверсти путь к сердцу его. Но, увы! Печаль и неудовольствие возвращались паки погашать сей рождавшийся пламень и потушать сей священный огонь».

«Я хочу, — говорил ему отец, возмутясь душой, — хочу я, бедный сын мой, идти сам к брату твоему. Увы! Я скажу ему все то, что велят мне сказать родительская любовь и здравый рассудок. Каин! Каин! Коль много терзаешь ты дух мой! Могут ли страсти возбудить в душе грешника столь страшное смятение и отнять чувство добродетели и благоденствия. Сколь я несчастлив! Какое предчувствие препровождает взоры, кои обращаю я на будущие времена моих потомков? О грех, грех пагубный! Какое отчаяние вселяешь ты в душу смертных!» Так вещал Адам и в глубоких размышлениях пошел он искать своего перворожденного. Увидя его, оставил работу свою Каин. «О отче

мой! — говорил он ему, — сколь суров взор твой! С таким ли видом обнимаешь ты брата моего, в глазах видны упреки».

«Они видны, — говорил ему Адам, обняв его, — они видны в глазах моих; итак, ведаешь уже то, что достоин ты оных; печаль, жестокая печаль, которой наполняешь ты дух мой, привела меня к тебе».

«Печаль, а не любовь, — прервал речь его Каин, — сие последнее чувствование оставлено для Авелея». //

«Да, любовь влечет меня к тебе, — отвечив Адам. — л. 8
Небо в том мне свидетель; сии слезы, сия печаль, сия горесть, терзавшая меня и ту, которая родила тебя в своих страданиях, происходят от нежнейшей любви; сия-то любовь помрачает печалью дни наши и принуждает нас проводить ночи в таком неутешении. О Каин, Каин! Если бы ты любил нас, ты старался бы отирать слезы наши и удалять ужас, жизнь нашу покрывающий. Ах! Если ты еще считаешь Всемогущего, который видит внутреннее; если малейшая искра детской любви горит еще в сердце моем, то заклинаю тебя сею любовью и сим почтением, возврати ты нам покой наш, возврати угасшую радость нашу; не питай долее злобу свою и закоренелую ненависть к брату своему, который тебя любит и старается избавить тебя от яда, душу твою заразившего. О Каин! Что возмущает душу твою, не те ли радостные слезы, которые проливаем мы, видя благочестие брата твоего, не тот ли восторг, в который приводит нас его добродетель. Ангелы, нас окружающие, радуются о всяком добром деле, и Всемогущий с высоты небес взирает на оное милостивым взором. Неужели хочешь ты пременить природу. Невозможно то для нас, а если бы и возможно было, то скажи мне, Каин, к чему, к чему сопротивляться той радости, тому восторгу, который объемлет душу? Ночная буря, страшный гром не производят на лице веселия; страдающая душа не вселяет радости в человеческое сердце».

«Не вечно ли гоним я буду таковыми упрёками? — отвечив Каин. — Если веселие на мне не изображено, если нежные слезы не текут по лицу моему, разве важность мою должно приписывать гнуснейшей злобе? Рожденный с твердейшим свойством, избирал я всегда отважнейшие предприятия и труднейшие работы. Не могу и важный взор мой пременить в нежнейшие слезы; не обык орел вздыхать, как нежная горлица».

«Обманываешь, — говорил ему Адам с видом величественной важности, — ты сам себя обманываешь, ты скрываешь страшные чувствования, которые тебе погашать надлежит. О Каин, не важность во всех твоих делах, сии страсти распространяют

густой облак над всем тем, что тебя окружает. Вот что причиною роптания во время дневной твоей работы; вот что так против нас вооружает. Что может тебя удовлетворить, вещай; мы все исполнить готовы. Ах! Если бы могли мы сделать дни твои столь ясными, как прекрасное утро, то б первое желание наше было уже исполнено. Но Каин, скажи, о чем страждет душа твоя. Не все ли пути к блаженству открыты и тебе? Не представляет ли и тебе природа все красоты свои? Все, что ни есть полезно, добро и приятно, все то, что природа, разум и добродетель в пользу нашу произвести могут, все то дано тебе равномерно. Но ты презираешь добро, не пользуясь им, и после на бедность свою жалобу приносишь. Или недоволен ты тем, что провидение дало погибшему человеку? Или завидуешь ты ангелам? Ведай, что и ангелы могли быть недовольны; они хотели быть богами и лишились за то небесного жилища. Или ропщешь ты на Создателя о том, что учинил он в рассуждении грешника? В самое то время, когда все созданные существа хвалят Творца своего, смертный, произведенный из персти, червь дерзает подъять главу свою и роптает на Того, коего бесконечная // премудрость управляет небесами и пред очами которого открыта тайна судеб наших; кто ведает то, что есть и что будет, кому известно то, каким образом расточенное по земле зло должно на ней приводить благо к цветущему состоянию. О Каин, любезный сын! Да не возмущает душу твою сия жестокая тоска, да не помрачает она взора твоего и да узришь ясным оком все те невинные удовольствия, которые природа для тебя приготовляет».

Л. 8 об.

«К чему таковое увещевание? — говорил Каин, отвращая свирепый взор свой. — Разве я того не знаю, что если бы я мог быть весел, то все, меня окружающее, было столь весело, как прекрасная Аврора? Но смогу ли я принудить себя преодолеть ярость мою. Я родился от жены и от рождения моего осужден на бедствие. Господь излил уже на мя свое проклятие; источник веселия и блаженства для меня уже не истекает».

Между тем слезы омывали лицо Адамово! «Увы! Каин мой, — говорил он, — то правда, что проклятие Господа поразило всех, от жены рожденных, но, возлюбленный сын, неужели Господь излил более гнева своего на моего перворожденного, нежели на всех нас? Сей Бог, сей бесконечно благий Бог того не учинил. Нет, Каин, ты не рожден для бедности; Господь не извлекает из небытия никакую тварь ради того, чтоб сделать ее несчастной. Человек может быть несчастным от своих погрешностей, может жизнь свою сделать себе казнь. Когда рассудок его подверга-

ется стремлению страстей, роскоши, злым желаниям, то бывает он беден, и все доброе в природе в яд для него обращается. Не можешь ты преодолеть ярость свою, но ты можешь избавить рассудок свой от мрака и возратить ясность душе своей. Она управлять будет страстями, ее терзавшими, и умерять желания твои; все твои чувствования очистятся, стремление ко злу сократится так, как утренняя мгла скрывается от солнца. Я видел, Каин, видел прежде сии слезы, текущие по ланитам твоим, видел радость души твоей, когда рассудок твой отдавал справедливость добродетельным делам твоим. Скажи, Каин, не была ли тогда душа твоя такова, каковы чисты безоблачные небеса? Воспомни тот божественный путь, тот священный рассудок, правитель наших нравов, и добродетель, неразлучная его спутница, возвратит душе твоей радость, возвратит ей блаженство. Внемли словам моим, любезный сын, первое дело, которое велит учинить тебе рассудок, состоит в том, чтоб шел ты обнять брата своего. Коль велика будет радость его! С какой горячностью он тебя обнимет!».

«Я пойду к нему, — говорил Каин, — я пойду, возвратясь с поля; теперь должен я работать, но... Никогда душа моя не обыкнет к сей малодушной нежности, которая делает вам его столь любезным, к сей нежности, которая стала причиною всего проклятия, когда враз слезы могли так смягчить... Но что я делаю? Несчастный! Я упрекаю моего родителя! Нет! Отче мой! Я, почитаю тебя, молчу». По сих словах Каин возвратился к своей работе. //

Адам остался неподвижен, горько плача и возводя руки на небо. «Ах! Каин, Каин, — кричал он, отходя, — я достоин сих упреков. Но не должен ли ты щадить отца твоего, которого, как гром, поражают слова твои. Ах, что я чувствую! Неужели потомки мои обременены грехом, я чувствую жестоку казнь за свои злодеяния, неужели вооружатся они на прах мой и проклянут первого грешника». Тако вещал Адам, возвращаясь с поля, смущен, и взор потуплен имея. Возводил он очи на небо, воздыхал громко, сложенные руки свои вознося на главу свою.

Каин смотрел на него, снедаем лютейшей тоской. «Ах! Как страждет он, — вопил Каин. — Как воздыхает! Как терзается... Я упрекал моего родителя!.. Куда завлекла меня слепая ярость! Весь ад терзает мою внутренность. Несчастный! Я вселяю печаль в душу его, заражаю, разрушаю все их веселье. Недостоин я жить среди людей, я должен жить меж дикими зверьми, ярящимися в пустынях. Уже далеко от меня родитель мой, но слышны мне его стенания».